

Юйвэнь Ху отвел взгляд от Се Юня и устремил его на прыгающее пламя свечи на письменном столе:

— Если этот план сработает, наследный принц отравится после употребления супа из кислых плодов, серебряная игла обнаружит яд в супе, Лю Суйцзе спасет наследного принца с помощью Снежного лотоса, а затем в келье монаха найдут вещи императрицы... У священного императора уже давно зреют мысли о низложении императрицы, и вместе с этим безупречно подстроенным делом об отравлении можно будет окончательно свергнуть сторонников императрицы, чтобы они больше никогда не поднялись.

— Однако Лю Суйцзе просчитал всё, кроме одного.

— Сведения об отравлении просочились еще до его осуществления, и императрица с тобой решили воспользоваться ситуацией, добавив в суп из кислых плодов сильнейший яд, намереваясь сделать постановку реальностью и погубить наследного принца.

Се Юнь усмехнулся и беззаботно поставил чашку с чаем на стол со стуком:

— Вздор. Где доказательства?

Юйвэнь Ху сказал:

— Доказательство в том, что хотя ты разбил нефритовую чашу, следы высохшего супа из кислых плодов на золотых плитах храма остались. После твоего поспешного ухода я приказал привести собаку, чтобы та лизнула следы и осколки, и через мгновение собака скончалась в муках...

— Но монах остался невредим, и я тоже в порядке, как это объяснить?

Юйвэнь Ху сделал шаг вперед и задал встречный вопрос:

— Насчет монаха я не знаю, но ты действительно невредим?

Се Юнь мгновенно поднял голову, но было уже поздно — Юйвэнь Ху стремительно бросился вперед, молниеносно сократив дистанцию. Се Юнь поднял руку для защиты, но его движение замедлилось на мгновение.

В мгновение ока они обменялись несколькими ударами, но силы Се Юня иссякли, и Юйвэнь Ху, ухватив его за ворот одежды, с силой приподнял, а затем —

Бам!

Удар был тяжелым и громким, Се Юня вжали в стену!

Их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга, и Юйвэнь Ху, казалось, тоже не ожидал такой легкости, одной рукой держась за ворот одежды Се Юня, на мгновение замер.

За маской лицо Се Юня оставалось бесстрастным, он схватил стоявший рядом на столе кувшин с холодным чаем и выплеснул его прямо в лицо Юйвэнь Ху!

Всё произошло в одно непрерывное движение. Застигнутый врасплох, Юйвэнь Ху вздрогнул от холодной воды, рефлекторно разжал руку, и в следующее мгновение Се Юнь пнул его, отбросив на полчжана.

Пошатываясь, Юйвэнь Ху отступил, остановился, несколько раз перевел дух и медленно поднялся:

— Се Юнь, ты...

Се Юнь поправил ворот и неторопливо завязал пояс, его движения и голос были невозмутимы:

— И что?

— ... Твоя жизненная энергия истощена, внутренняя сила пуста, явно видно, что яд уже проник в поле киновари. Сейчас ты...

— Допустим, — нетерпеливо перебил Се Юнь. — Допустим, в супе из кислых плодов был яд, но его подложили монахи Храма Цыэнь, какое это имеет отношение ко мне? Если есть способ, доложи императору, убей всех монахов Храма Цыэнь в отместку за наследного принца, кто тебе мешает!

Он прямо подошел к письменному столу и взмахом рукава сбросил на пол все чашки, блюда, бумаги и кисти. Раздался звон разбивающейся посуды, осколки даже забрызгали полу халата Юйвэнь Ху.

Такое поведение поставило Юйвэнь Ху в тупик. Командующий отборной конницей стиснул зубы, и лишь спустя долгое время обрел душевное равновесие:

— У меня тоже нет выхода, командующий Се!

Он вздохнул:

— Сейчас наследный принц в Восточном дворце находится между жизнью и смертью, внутри и вне двора бушуют бури, и императрица У к тому же воспользовалась моментом, предложив после праздника Середины осени сопровождать императора на гору Тайшань для жертвоприношения, чтобы в качестве женщины совершить второстепенное подношение и вместе с нынешним императором получить титул «Два святых»... Курица, возвещающая рассвет, неслыханно с древних времен! Если с наследным принцем действительно что-то случится в этот критический момент, мне придется выложить всё, и тогда императрица и наследный принц пострадают, и даже ты...

Се Юнь холодно произнес:

— Иди же.

В подземном ходе Дань Чао внутренне удивился.

Не потому, что Се Юнь уступил Юйвэнь Ху — у Се Юня ведь оставался невыведенный яд, слабость внутренней силы была ожидаема, временный проигрыш не означал поражения. А потому, что эти три слова Юйвэнь Ху «и даже ты» прозвучали с иной интонацией. На первый взгляд просто низко, но при внимательном слушании в них чувствовалась... чувственность.

Возможно, это была лишь иллюзия.

Но почему-то в Дань Чао инстинктивно возникла неприязнь.

Он не успел осознать, откуда взялся этот инстинкт, как сразу почувствовал, что с Се Юнем что-то не так. Хотя он видел его всего дважды, но стиль поведения этого человека был

уверенным и несильный отпечаток коварства, совсем не похоже, чтобы он с досадой говорил сопернику «Иди же» — словно попав в невыгодное положение и не имея выхода, лишь грубил.

— Я не хочу... не хочу так поступать, — сказал Юйвэнь Ху в кабинете, его голос звучал несколько хрипло. — Все эти годы я делал всё возможное, чтобы поддерживать стабильность при дворе. Таким, как мы, знати из прежней династии, лишь в равновесии противостояния между императрицей У и наследным принцем удастся найти передышку, а не действительно свалить одну сторону, позволив другой безгранично усилиться...

— Лучше остановить закипание, сняв пену, чем бороться до конца.

— Се Юнь, — сказал Юйвэнь Ху, — я знаю, что это ты украл Снежный лотос из дома Лю. Верни его, чтобы спасти наследного принца, и я гарантирую, что это дело исчезнет бесследно, и в мире больше не найдется третьего, кто знал бы обо всём, произошедшем в тот день в Храме Цыэнь.

В кабинете воцарилась долгая тишина.

Лишь спустя время тихий голос Се Юня раздался вновь:

— Поздно. Я боялся, что яд в супе из кислых плодов слишком силен и не выдержу, поэтому принял его заранее сам...

Юйвэнь Ху был поражен и застыл на месте.

— В мире, наверное, не один Снежный лотос? — тут же спросил он, придя в себя. — Я слышал, по слухам в реке и озерах, что в Долине Лотосов, в Поместье Ковки Мечей сто лет назад использовали воду Снежного лотоса с Небесных гор, чтобы выковать парные мечи Лунъюань и Тайэ... Раз есть такая легенда, значит, Снежный лотос не может быть единственным!

— Меч Лунъюань!

Зрачки Дань Чао мгновенно расширились.

Парные мечи Лунъюань и Тайэ, появлявшиеся в снах последние два года, необъяснимым образом оказались связаны с этим делом об отравлении наследного принца!

— Верно, такая легенда есть, — казалось, Се Юнь долго размышлял, прежде чем медленно заговорить. — Однако Долина Лотосов ныне бесследно исчезла, а что касается Поместья Ковки Мечей...

Дань Чао собрался с мыслями, готовясь внимательно слушать дальше, но голос Се Юня внезапно прервал сильный приступ кашля.

Кашель был настолько сильным, что он не мог говорить. Юйвэнь Ху тоже испугался и поспешил спросить:

— Что с тобой? Может, только что...

Однако Се Юнь, кашляя, махнул рукой, веля ему замолчать, и лишь резко крикнул:

— Люди!

Снаружи кабинета тут же послышались шаги, слуги и приспешники спешили снаружи.

Здесь скоро станет многолюдно, и если оставить Скрытые ворота приоткрытыми, их легко обнаружат. Дань Чао немедленно принял решение и снова закрыл дверь. Он оглянулся: подземный ход по-прежнему был безмолвен, ни души охранников не видно — видимо, из-за того, что кабинет Се Юня находился прямо сверху, охрана здесь была нестрогой.

И правда, на нем были запечатаны восемь важных акупунктурных точек, по идее ему должно быть трудно даже ходить, кто станет тратить силы на охрану бесполезного человека?

Дань Чао спрыгнул с деревянной лестницы, ловкий как обезьяна, приземлившись легче пера, не подняв и пылинки у ног — видно, внутренняя сила и искусство легкости достигли значительного уровня. Обычный мужчина его телосложения проломил бы пол при прыжке.

Дань Чао стоял на месте, его густые и острые брови слегка нахмурились.

В этом подземном дворце непременно должен быть другой выход, иначе как бы охрана и служанки с едой входили и выходили каждый день — неужели все через кабинет Се Юня?

Но проблема в том, в каком направлении искать?

Пока он спокойно размышлял, внезапно из глубины туннеля донесся очень слабый звук.

Дань Чао инстинктивно подумал, что кто-то идет, и первым порывом было спрятаться, но звук раздался снова, явно не шаги — а стон.

Прерывистый, то появляющийся, то исчезающий, словно сдерживающий сильную боль.

Дань Чао с подозрением прищурился, затем намеренно облегчил шаги и пошел на звук вглубь туннеля.

Хотя стоны были едва слышны, слух у Дань Чао был чрезвычайно острым. Пройдя несколько поворотов в разветвленном туннеле, он внезапно оказался перед открывшимся пространством. Перед ним оказалась еще одна тюремная камера!

И еще больше его поразило то, что человек в этой камере оказался неожиданным.

То был человек поразительной красоты.

Когда внешнее впечатление от красоты достигает определенной степени, остается лишь очень простое, очень прямое впечатление — прекрасное.

Тот сидел боком к двери, свернувшись калачиком в углу камеры, его длинные волосы, промокшие от холодного пота, были небрежно стянуты шнурком. Хотя вид был потрепанным, он все равно оставался поразительно нежным и прекрасным, даже создавая ощущение, что простой шнурок сиял в отражении его волос, заставляя не решаться смотреть прямо.

<http://bllate.org/book/15578/1387052>